



ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ DIGITAL SOVEREIGNTY

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542
EDN: NJLOLX

Научная статья / Research article

Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования

С.В. Володенков^{1,2}  , С.Н. Федорченко^{1,2} 

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 s.v.cyber@gmail.com

Аннотация. В условиях глобальных технологических трансформаций цифровой коммуникационной сферы актуализируется проблема обеспечения цифрового суверенитета современного государства. Особо важное значение данная проблема имеет в сфере общественно-политических коммуникаций, характеризующейся значительным потенциалом воздействия на массовое сознание и трансформации традиционных духовно-нравственных и ценностно-смысловых основ жизнедеятельности государства и общества. Дополнительную значимость обозначенная проблема приобретает для России, находящейся в настоящее время в ситуации геополитического противостояния с коллективным Западом, многие страны которого являются технологически развитыми державами, претендующими на доминирующую роль в цифровом пространстве. Авторами изучены актуальные практики цифровизации в различных государствах мира, а также проведено международное экспертное исследование, на основе анализа результатов которого было сделано несколько ключевых выводов относительно содержания, структуры и степени универсальности моделей обеспечения суверенитета цифрового пространства общественно-политических коммуникаций. По итогам работы авторы приходят к выводу о том, что процессы суверенизации в современных государствах обладают национальной спецификой, что ставит вопрос о необходимости разработки модели цифровой суверенизации

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

на основе национальных особенностей и в современной России. Кроме того, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что цифровой суверенитет пространства общественно-политических коммуникаций представляет собой единую систему взаимосвязанных между собой инфраструктурных, коммуникационных, технологических, кадровых, компетентностных, управленческих и содержательных (ценностно-смысловых) компонентов, обеспечивающих в своем единстве, достигаемом при помощи национального законодательства и практик его реализации, независимое и успешное функционирование в национальных интересах общественно-политической сферы жизнедеятельности современного государства в цифровом пространстве. Выявленные в ходе исследования ключевые компоненты системы цифрового суверенитета национального пространства общественно-политических коммуникаций могут быть положены в основу разработки собственной модели цифровой суверенизации современной России.

Ключевые слова: суверенизация цифровой коммуникации, цифровые общественно-политические коммуникации, цифровая колонизация, цифровой суверенитет России

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта «FZNF-2024-0006 — Суверенная модель стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России: ключевые потенциалы и сценарии формирования» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 520–542. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542>

The Sovereignty of the Digital Space of Socio-Political Communications in Contemporary Russia and Its Key Components: Evidence from Expert Research

Sergey V. Volodenkov^{1,2}  , Sergey N. Fedorchenko^{1,2} 

¹ State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 s.v.cyber@gmail.com

Abstract. In the context of global technological transformations in the digital communication sphere, ensuring the digital sovereignty of a contemporary state is becoming increasingly urgent. This problem is of particular importance in the sphere of socio-political communications, which is characterized by its significant potential to influence mass consciousness and transform the traditional spiritual and moral foundations of state and society. The identified problem acquires additional significance for Russia, which is currently in a geopolitical confrontation with the collective West, many of whose countries are technologically advanced powers claiming

a dominant role in the digital space. The authors studied current digitalization practices in various countries of the world and also conducted an international expert study, based on the analysis of the results of which several key conclusions were made regarding the content, structure, and degree of universality of models for ensuring the sovereignty of the digital space of socio-political communications. Based on the results of the study, the authors conclude that sovereignization processes in modern states have national specificity, which raises the question of the need to develop a model of digital sovereignization based on national characteristics in contemporary Russia. In addition, the results of the study allow us to conclude that the digital sovereignty of the space of socio-political communications is a single system of interconnected infrastructural, communication, technological, personnel, competence, management and content (value-semantic) components that ensure in their unity, achieved with the help of national legislation and practices of its implementation, independent and successful functioning in the national interests of the socio-political sphere of life of a modern state in the digital space. The key components of the digital sovereignty system of the national space of socio-political communications identified in this study can be used as a basis for developing our own model of digital sovereignty for contemporary Russia.

Keywords: sovereignization of digital communication, digital socio-political communications, digital colonization, digital sovereignty of Russia

Acknowledgements. The study was carried out at the State Academic University for the Humanities within the framework of the project @FZNF-2024-0006 ‘Sovereign model of strategic development of digital socio-political communications in the contemporary Russia: key potentials and scenarios of formation’ with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research”.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2025). The sovereignty of the digital space of socio-political communications in contemporary Russia and its key components: Evidence from expert research. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 520–542. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542>

Введение

Дискуссия вокруг проблемы суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в России перешла в активную фазу в 2019 г., когда эксперты, представители академического сообщества и политики стали обсуждать поправки к федеральным законам «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и «О связи», ставших более известными в обществе как «закон о суверенном Интернете»¹. Несмотря на неоднозначность первой реакции в обществе на правительственный нарратив по цифровой суверенизации, следует признать, что данная проблема возникла не на пустом месте и была связана с осложнением геополитической обстановки,

¹ Официальное название этого документа, вступившего в силу с 1 ноября 2019 г., — № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“».

усилением санкционного давления на Россию и осознанием властью тех очевидных вызовов, рисков и угроз, которые несли данные процессы в аспекте технологической зависимости страны от зарубежных разработок, компьютерных программ, алгоритмов, оборудования, интеллектуальных приложений и сервисов. Определенные опасения стал вызывать и потенциал воздействия цифровой или вычислительной пропаганды на массовое сознание [Володенков 2024]. В этой связи российские политологи начали отличать «внутреннюю» суверенизацию от «внешней» суверенизации, связывая с первой развитие и динамику роста собственного сегмента Интернета, а со второй вызовы со стороны западных государств, в том числе США [Ваховский 2019]. Более качественно и детально соотнести внешнюю и внутреннюю сторону цифровой суверенизации позволяет ойкуменный подход, выделяющий особую цифровую ойкумену государства — систему из корпораций, информационных агентств, телевидения, радио, осуществляющих медийную активность за пределами страны с целью защиты и позиционирования интересов, ценностно-цивилизационной, экономической и политической повестки создавших их государств [Федорченко 2023]. Но какие конкретные потенциалы и вызовы связывают исследователи с вопросом суверенитета пространства цифровых общественно-политических коммуникаций и определением его ключевых компонентов?

«Закон о суверенном Интернете» предоставил властям право блокировать интернет-ресурсы, давая возможность противодействовать откровенно антироссийской, радикально-политической и экстремистской цифровой пропаганде. Важной и необходимой новацией стала политика приоритетного использования российских технологий в функционировании государственных органов власти. Фактически закон акцентировал политический курс на обеспечение безопасности российских цифровых коммуникаций посредством создания резервной инфраструктуры [Жуков, Шугунов 2020]. Потенциалы суверенизации виделись в предоставлении россиянам бесперебойного доступа к цифровым коммуникациям в случае негативного сценария полного отключения России от Интернета.

Рассматривая проблему суверенного Интернета, российский политолог Л.В. Сморгунов связывает ее с рисками двух форм цифровой управляемости — контролем снизу, между самими участниками горизонтальных коммуникаций (*sousveillance*) и контролем сверху (*surveillance*). Контроль сверху возникает в связи с необходимостью регулирования интернет-пространства, проявляясь в способности государств, крупных технологических корпораций обрабатывать огромные массивы данных, переходя в некоторых случаях к дисциплинарным практикам в понимании Мишеля Фуко и корректировке поведения. Вместе с тем контроль снизу относится к практикам самоцензуры, социального контроля и самонаблюдения, при которых человеческое поведение начинает зависеть от представителей цифровой общественности. Контроль снизу и контроль сверху формируют риски для внутреннего и внешнего пространства существования современного человека [Сморгунов 2019].

Некоторые авторы, анализируя процессы цифровой суверенизации, определяют те государства (Россию, Китай, Иран), которые стремятся

создавать суверенные цифровые общественно-политические коммуникации в качестве сторонников некоего кибернационализма (cybernationalism) [Becerra, Waisbord 2021]. Однако с такой позицией согласны не все исследователи, рассматривая процесс суверенизации цифровой коммуникации как ответ на вызовы цифровой колонизации со стороны крупных транснациональных технологических корпораций (Microsoft, Apple, IBM и др.) и стоящих за ними государств (США, Австралия и др.) [Mann, Daly 2019].

Так, сотрудник Йельского университета и известный исследователь в области цифровой колонизации М. Квет выделяет три формы современной цифровой власти [Kwet 2019], за которые происходит борьба государств и корпораций: контроль над сетевым подключением (протоколы, стандарты, отношение интернет-провайдеров к трафику, контенту); контроль над оборудованием (аппаратным обеспечением); контроль над программным обеспечением (ограничение пользовательского опыта посредством инструкций, правил публикационной политики).

Следовательно, разработка и поэтапное внедрение российской модели цифровых общественно-политических коммуникаций должно стать ответом на вызовы цифровой колонизации, к которой авторы [Бучинская 2024] относят специфическую активность крупных технологических корпораций по продвижению выгодной их заказчикам медийной повестки, контролю социальных сетей, корректировке пользовательского выбора, экспорту оборудования и программных продуктов, анализу «цифровых следов».

Потенциал внедрения российской модели цифровых общественно-политических коммуникаций видится и в способности государства предотвращать деструктивное влияние зарубежных государств на социальную калибровку (social calibration) — восприятие людьми распространенности мнений в обществе, которая в настоящее время активно осуществляется технологическими корпорациями. Вызовы заключаются в формировании внешними политическими интересантами через корпоративные цифровые платформы эффектов «ложного консенсуса» по общественно значимым вопросам и «иллюзии большинства» [Kozyureva, Lewandowsky, Hertwig 2020]. Дизайн суверенной модели цифровых коммуникаций не должен игнорировать и вызовы постправды, циркуляции «альтернативных фактов», распространения опасных слухов, дезинформации, фейковых новостей, способных разрушить доверие общества к абсолютно любой информации. Помимо этого, суверенная модель должна решить вопрос доминирования западных принципов технологий управления поведением, лежащих в большинстве цифровых экосистем, — постоянного привлечения и отвлечения внимания, формирования эффекта привыкания, ослабляющих способности людей к самоконтролю и концентрации внимания [Там же].

Суверенизация российских цифровых коммуникаций должна также включать, во-первых, параметры защиты территориальной целостности, независимости страны и, во-вторых, не препятствовать развитию гражданского общества, охране прав и свобод человека [Даниленков 2017]. Кроме того, конструирование суверенной цифровой экосистемы должно не просто включать альтернативные западным социальные сети и другие ресурсы,

посредством которых осуществляется общественно-политическая коммуникация, но и предполагать разработку и применение собственных алгоритмов, не уступающих зарубежным в аспектах эффективности, бесперебойности функционирования, удобства поиска, обработки крупных массивов данных, размещения и генерации контента, а также возможностей монетизации [Уртаева 2024].

На сегодняшний день существует ряд оснований полагать, что риски отключения России от Интернета как одного из элементов проектов по попытке изоляции нашей страны от мирового сообщества имеют под собой глубокие основания. Из-за подобных рисков конструирование автономного сегмента российских цифровых общественно-политических коммуникаций, по нашему мнению, оправданно и необходимо в целях защиты собственного суверенитета. В связи с этим А.В. Куликовский отмечает, что цифровая суверенизация России может означать уход от западных технологий и более тесную интеграцию с Китаем в плане сближения информационных политик двух государств. Вместе с тем цифровая суверенизация, по оценке автора, не исключает развитие коммуникаций России в рамках цифровых пространств ЕАЭС, БРИКС и ШОС. Тем более что Китай уже предлагал государствам БРИКС и ШОС разработать свою систему корневых серверов [Куликовский 2021]. Со своей стороны Россия также заинтересована в укреплении своего цифрового суверенитета посредством активного взаимодействия со странами — участницами БРИКС в рамках разработки альтернативных западным цифровых стандартов.

Таким образом, у формирующейся российской модели цифровой суверенизации вырисовываются определенные контуры, отличающие ее от других моделей. Рассмотрим перспективы трансформации отечественной модели представляется возможным через призму ойкуменного подхода, выделив в ней две составляющие ее части: 1) внутренний контур защиты суверенности — собственно российское цифровое пространство, формируемое отечественными технологическими корпорациями и государственным регулятором, и 2) внешний контур защиты суверенности — цифровую ойкумену, состоящую из совокупности корпораций, информационных агентств, осуществляющих медийную активность за пределами России. Другими словами, вариант создания цифровой ойкумены означает не реактивную киберизоляцию России от остального мира, а переход на активную модель развития цифрового суверенитета, предполагающую взаимодействие Рунета с цифровыми пространствами ЕАЭС, БРИКС и ШОС через общие цифровые стандарты, программные продукты, алгоритмы и системы кибербезопасности. Безусловно, это не означает снижения степени приоритетности развития собственного киберпространства и обеспечения его безопасности. Наоборот, приоритетность внутреннего контура российской модели цифровой суверенизации несомненна. Только внутренний контур способен обеспечить полноценное функционирование всех цифровых общественно-политических коммуникаций в условиях полного отключения от зарубежных технологий и ресурсов.

Представляется, что каждое государство, претендующее на цифровой суверенитет, будет пытаться создавать собственные модели, учитывающие национальную специфику. Не случайно российская модель цифровой суверенизации складывается параллельно с формированием иных подобного рода моделей. Китайская модель развивается на базе собственных нормативно-правовых актов и включает более серьезный уровень цензуры, фильтрации информации через программное обеспечение [Мельникова 2022], хотя также имеет все шансы создать собственную и довольно влиятельную цифровую ойкумену (достаточно вспомнить китайский проект «Цифрового Шелкового пути»). Сравнивая иранскую модель цифровой суверенизации с российской и китайской, можно отметить сходство в наличии правительственного курса на создание незападных аналогов цифровых технологий и коммуникаций [Hashemzadegan, Gholami 2022].

Тем не менее иранские компании не так активны на внешних рынках и пока не претендуют на формирование отдельной цифровой ойкумены Ирана, в том числе из-за значительного санкционного давления со стороны США и западных стран. Европейскую и латиноамериканскую модели цифровой суверенизации сближают признаки балансирования между американскими и китайскими крупными технологическими корпорациями. Принципиальным отличием европейской модели от латиноамериканской является наличие наднационального регулятора в цифровой сфере [Flonk, Jachtenfuchs, Obendiek 2024]. Хотя существует ряд исследований, усматривающих в латиноамериканской модели цифровой суверенизации хорошие перспективы в обретении самостоятельного, уникального пути развития [Lehuedé 2024], все же следует признать, что ЕС имеет гораздо больше возможностей в конструировании собственной цифровой ойкумены, чем разрозненные государства Латинской Америки, отказавшиеся от политики «цифрового девелопментализма» — создания местных цифровых коммуникаций и местных цифровых промышленных комплексов.

С большой осторожностью можно говорить о зарождении индийской модели цифровой суверенизации, импульс развитию которой дала политическая доктрина *Atmanirbhar Bharat* (Самодостаточная или Независимая Индия) правительства Нарендры Моди. Модель также базируется на местном законодательстве, касающемся Интернета, программе «Digital India» (нацеленной на создание собственной цифровой инфраструктуры) и программе «Make in India» (продвигающей местное IT-производство). Индия также практикует запрет приложений, которые получают данные без согласия пользователей. А индийские исследователи из Университета Джавахарлала Неру, которые в последнее время внимательно изучают как российский, так и китайский пути цифровой суверенизации, отмечают риски для страны из-за американских технологических корпораций и устарелости индийского законодательства, связанного с киберсферой [Gupta, Sony 2021]. Эволюция политической доктрины *Atmanirbhar Bharat* видна и на примере появления дискурса о «суверенном искусственном интеллекте» («sovereign AI»). Индийское

правительство ориентировано на создание национальных цифровых платформ обмена данными, доступных только для индийских стартапов и нацеленных на развитие собственных систем искусственного интеллекта (проект India Datasets Platform). В 2023 г. индийские власти осуществили запуск платформы для облачных вычислений AI Research Analytics and Knowledge Distribution Platform (AIRAWAT) [Panday, Samdub 2024]. Примечательно, что складывающаяся индийская модель старается учитывать традиции — богатое языковое и этническое разнообразие страны. Не исключено, что российская модель цифровой суверенизации может также опереться на свои традиционные ценности, используя разработки в области искусственного интеллекта для сохранения и развития языков и культур многонациональной России.

Обнаруженный в академическом дискурсе контур научной проблемы позволяет определить в качестве основной цели данного исследования выявление ключевых потенциалов и вызовов суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России.

Методология

С целью конкретизации ключевых потенциалов и вызовов суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России авторами статьи был организован и проведен исследовательский проект — международный экспертный опрос «Суверенная модель стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России: ключевые потенциалы и сценарии формирования». На открытые и закрытые вопросы анкеты в сентябре-октябре 2024 г. ответил 31 эксперт — представители академической среды из Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Республики Беларусь, Сербии и Республики Узбекистан. Процедура обработки данных предполагала следующие шаги: во-первых, полученные первичные количественные данные проходили процедуру комплексирования, во-вторых, качественные оценки были использованы для формирования комплексной аргументации количественных результатов исследования.

Итоги экспертного исследования

В рамках проведенного исследования одной из его задач стало определение ключевых коммуникационных компонент цифрового суверенитета, имеющих стратегическое значение для развития общественно-политической сферы жизнедеятельности современного государства.

В целом цифровой суверенитет, по мнению участников исследования, имеет стратегическое значение для устойчивого функционирования общественно-политической сферы жизнедеятельности современного государства и общества и приобретает особую актуальность в условиях глобализации и развития цифровых технологий. Эксперты выделили несколько ключевых

коммуникационных составляющих, которые оказывают непосредственное влияние на суверенное развитие общественно-политической жизни.

Однако в качестве основы «сборки» этих составляющих в единую систему, в рамках которой все ее элементы реализуются одновременно и во взаимосвязи друг с другом, большинство участников экспертного опроса отметили необходимость выработки государством стратегии продвижения национальных интересов в цифровом пространстве, включающей в себя четкое просоциальное определение стратегических целей и задач информационно-коммуникационной деятельности в цифровом пространстве общественно-политических коммуникаций, самостоятельную концептуализацию ключевых понятий и терминов в области цифрового суверенитета, системное национально ориентированное нормативно-правовое обеспечение информационно-коммуникационной деятельности в цифровом пространстве, определение стратегических ценностно-смысловых нарративов для их комплексной трансляции в цифровом пространстве, а также определение системы стратегически значимых ключевых компетенций и навыков, необходимых для реализации поставленных целей и задач цифровой информационно-коммуникационной деятельности.

Если же говорить о конкретных составляющих цифрового суверенитета в сфере общественно-политических коммуникаций, то эксперты выделили главные из них:

- ***национальные цифровые платформы и алгоритмы для взаимодействия граждан и политических акторов.*** Многие эксперты подчеркивают важность разработки национальных цифровых платформ и социальных сетей, которые позволяют государству и гражданам взаимодействовать напрямую, минуя посредников. Алгоритмы и цифровые платформы создают возможности для политической коммуникации, что позволяет использовать собственный политический язык и продвигать национальные ценностно-смысловые нарративы для населения страны без риска изоляции и блокировки за «неправильный» контент со стороны внешних акторов, а также способствует активному участию граждан, общественных организаций и других представителей общественно-политической сферы в общественно-политической жизни страны.

Основные направления обеспечения:

- разработка национальных социальных сетей, видеохостингов, блог-платформ и мессенджеров для обмена информацией, защищенных от внешнего вмешательства и действующих в соответствии с национальным законодательством;
- разработка и обеспечение полноценного функционирования национальных платформ для политического участия граждан, включая элементы прямой демократии и электронного правительства (сюда эксперты включают платформы цифрового правительства, электронного голосования, системы регионального и муниципального управления, а также взаимодействия институтов политической власти и граждан);

- **контроль над национальными и цифровыми медиа и цифровыми информационными потоками** является, по мнению экспертов, ключевым аспектом цифрового суверенитета. Эксперты указывают на необходимость управления новостными порталами, национальными медиаплатформами и иными цифровыми площадками, обеспечивающими массовое потребление информации, что позволяет не только распространять просоциальную национально ориентированную в ценностно-смысловом аспекте информацию, но и противодействовать дезинформации, деструктивному манипулятивно-пропагандистскому воздействию в цифровом пространстве в целом, поддерживая стабильность и устойчивость общественно-политической сферы жизнедеятельности государства и общества.

Основные направления обеспечения:

- развитие национальных медиаплатформ для управления информационными потоками с участием государства (для исключения попыток приватизации функций государства в информационно-коммуникационной сфере);
- защита от кибератак и информационных угроз, включая борьбу с дезинформацией и предотвращение утечек критически значимой информации во внешнюю среду;
- **кибербезопасность и защита данных** рассматриваются экспертами как основа цифрового суверенитета в контексте общественно-политической коммуникации. Защита государственных и общественно значимых данных от кибератак, шпионажа и несанкционированного доступа, возможности и способности противодействия со стороны государства оппонентам в рамках ведения кибервойн являются, по мнению экспертов, стратегически важными задачами для суверенного развития современного государства.

Основные направления обеспечения:

- техническая автономия (собственная национальная инфраструктура) для обеспечения безопасности данных;
- технологическая автономия — разработка национальных технологий шифрования и систем киберзащиты;
- локализация и хранение персональных данных и национальных Big Data внутри страны для предотвращения их сбора и последующего применения в информационно-коммуникационных проектах внешних бенефициаров;
- **развитие национальных цифровых технологий, подготовку профессиональных кадров и формирование собственных цифровых компетенций**, которое эксперты также выделили в качестве значимых компонентов цифрового суверенитета. Данный компонент включает в себя создание суверенных цифровых сервисов и инфраструктур, создание национальных технологических научных школ, а также обучение специалистов, которые будут разрабатывать и поддерживать

цифровые системы. Конечным итогом реализации данного компонента должно стать не только создание собственных цифровых технологий, но и формирование достаточного пула экспертов, носителей знаний, навыков, компетенций, способных на системном уровне поддерживать разработку новых и развитие существующих технологических решений в интересах государства (как отмечают эксперты, на сегодняшний день среди представителей российской IT-индустрии в значительной степени распространены западные ценности и псевдолиберальные убеждения, что сказывается на итоговых характеристиках разрабатываемых продуктов) на уровне независимых национальных школ. При этом эксперты отмечают необходимость наличия цифровых компетенций не только у разработчиков и специалистов, но и государственных служащих и населения страны в целом для возможности их эффективного использования.

Основные направления обеспечения:

- разработка и развитие собственных национальных цифровых сервисов, таких как операционные системы, прикладное программное обеспечение, системы управления базами данных, навигационные системы, системы искусственного интеллекта и самообучаемые нейросети, инструменты для работы с Big Data и т.д.;
- создание и развитие национальных научных школ и подготовка на их основе высококвалифицированных профессиональных кадров в области цифровых информационно-коммуникационных технологий;
- формирование собственных профессиональных компетенций в сфере цифровых информационно-коммуникационных технологий и их активное внедрение в практику общественно-политических коммуникаций;
- **формирование всеобъемлющей и устойчивой системы цифровых каналов общественно-политической и массовой коммуникации.** Как отмечают эксперты, для социально-политической и общественной стабильности важными являются создание и поддержка функциональных каналов вертикальной и горизонтальной общественно-политической и массовой коммуникации. Данные каналы должны связывать государственные структуры, СМИ, общественные структуры и граждан в единую систему информационно-коммуникационного взаимодействия, обеспечивая двустороннюю политическую и социальную коммуникацию внутри страны, исключая вмешательство в нее внешних и внутренних акторов, преследующих деструктивные цели.

Основные направления обеспечения:

- создание и развитие конкурентоспособной (как в функциональном, так и в содержательном аспектах) национальной системы цифровых каналов массовой общественно-политической коммуникации для формирования просоциального восприятия политической реальности населением страны в соответствии с национальной системой традиционных духовно-нравственных ценностей и национальными интересами. Подчеркивая

необходимость обеспечения конкурентоспособности национальных цифровых каналов применительно к актуальным российским условиям, ряд экспертов отметил, что существующие российские каналы не всегда могут конкурировать с глобальными цифровыми платформами. Как заметил один из участников исследования, «пока я не наблюдаю ярко выраженного запроса аудитории на традиционный ценностно-смысловой контент. А в существующих отечественных «предложениях» больше преобладают архаичные или не очень умело созданные мифологические и идеологические конструкции»;

- развитие системы каналов цифрового информационно-коммуникационного взаимодействия между государственными институтами, общественными организациями и гражданами. Создание действенных цифровых механизмов политической дискуссии и политического участия посредством цифровых платформ;
- ***содержательная компонента цифрового суверенитета, заключающаяся в пропаганде национальных ценностей, продвижении национальных просоциальных нарративов через цифровые каналы и контроле над их содержанием.*** Эксперты отмечают важность формирования ценностно-смысловых компонент и концептуализации содержания информационно-коммуникационной работы в цифровом пространстве, которое должно отражать национальные идеи и интересы, а также содержательного противодействия деструктивному информационно-коммуникационному влиянию. В противном случае даже при наличии суверенных каналов их функциональность будет находиться на низком уровне в аспекте возможностей использования национальной цифровой информационно-коммуникационной инфраструктуры в просоциальных целях в соответствии с национальными интересами.

Основные направления обеспечения:

- формирование просоциальной и национально ориентированной повестки в социальных сетях и медиаплатформах посредством генерации соответствующего контента;
- продвижение национальных идей, смыслов и ценностей посредством трансляции соответствующего контента в собственном цифровом пространстве;
- ***повышение цифровой грамотности населения и обеспечение активного участия граждан в общественно-политической жизни в цифровом пространстве.*** Развитие цифровой грамотности граждан является важной частью стратегии по обеспечению цифрового суверенитета. Эксперты считают, что чем больше граждане понимают цифровую сферу и особенности просоциального коммуницирования в ней, тем больше они могут эффективно и гармонично участвовать в общественно-политической жизни и тем лучше они защищены от манипуляций и дезинформации.

Основные направления обеспечения:

- повышение цифровой грамотности населения страны, его осознанности в процессах информационного потребления, формирование критического восприятия информации массами. Это возможно осуществить как через включение соответствующих дисциплин в систему школьной, профессиональной и академической подготовки молодежи, так и посредством реализации масштабных национальных просветительских проектов для ключевых групп населения страны;
- защита от дезинформации и повышение качества цифрового ценностно-смыслового контента, используемого для формирования коллективной идентичности, национального самоуважения, исторической памяти, целеполагающих идей, а также поддержания в актуальном состоянии традиционных духовно-нравственных ценностей;
- управляемая и контролируемая со стороны государственных и общественных структур долгосрочная политическая социализация молодежи в цифровом пространстве, отвечающая национальным интересам.

Таким образом, по итогам исследования на основе анализа и комплексирования экспертных мнений мы можем определить ключевые компоненты цифрового суверенитета общественно-политических коммуникаций, охватывающие ключевые аспекты процессов суверенизации пространства общественно-политических коммуникаций современного государства.

К числу таких компонентов мы можем отнести технологическую автономию, подразумевающую наличие и функциональное развитие независимой национальной цифровой инфраструктуры, наличие национальных цифровых технологий, подготовку профессиональных кадров и формирование собственных цифровых компетенций, наличие национальной системы цифровых каналов общественно-политической и массовой коммуникации, включая национальные цифровые платформы, видеохостинги, блог-платформы, мессенджеры и алгоритмы для взаимодействия государственных и общественно-политических акторов, а также граждан, возможность осуществления полноценного контроля над такой системой каналов общественно-политической коммуникации со стороны государства.

При этом даже наличие независимой инфраструктуры, каналов коммуникации, технологий не гарантирует наличия цифрового суверенитета, если генерируемый и транслируемый в цифровом пространстве общественно-политический контент не отвечает национальным интересам и не является конкурентоспособным по отношению к существующим внешним цифровым площадкам и сервисам.

В связи с этим в качестве важных компонентов цифрового суверенитета общественно-политических коммуникаций эксперты также выделили содержательную составляющую цифрового суверенитета, заключающуюся в создании и продвижении собственного качественного контента, отражающего национальные ценности и смыслы, способствующего продвижению национальных просоциальных нарративов.

Применительно к России подавляющее число участников исследования отметили, что государство, а также общественные организации должны обеспечивать на системном уровне трансляцию традиционных духовно-нравственных ценностей в цифровом сегменте пространства общественно-политических коммуникаций (рис. 1). Заметим, что наиболее высокие оценки такой необходимости были даны зарубежными экспертами, в то время как ряд представителей отечественного академического сообщества был более осторожен в своих оценках.

Насколько необходима, на Ваш взгляд, трансляция в национальном российском сегменте цифрового пространства общественно-политических коммуникаций традиционных российских духовных и нравственных ценностей?

31 ответ

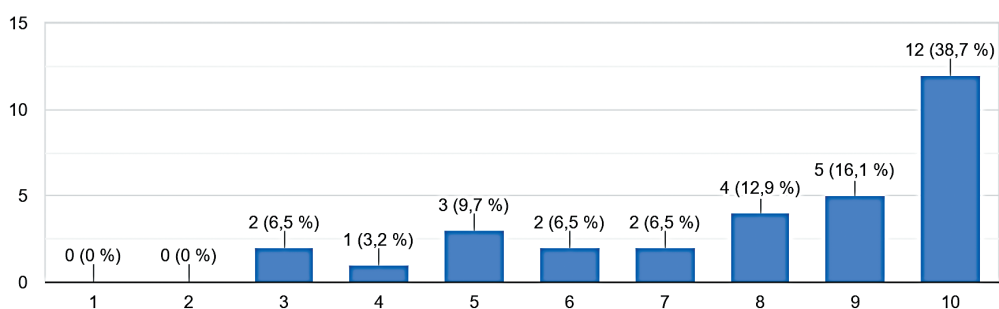


Рис. 1. Экспертная оценка необходимости трансляции в национальном сегменте цифрового пространства общественно-политических коммуникаций России традиционных духовно-нравственных ценностей (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – абсолютно нет необходимости; 10 — абсолютно необходима в максимальной степени).

Источник: составлено С.В. Володенковым, С.Н. Федорченко по результатам исследования.

Figure 1. Expert assessment of the need to broadcast traditional spiritual and moral values in the national segment of the digital space of socio-political communications of Russia (quantitative assessment from 1 to 10 points: 1 — absolutely no need; 10 — absolutely necessary to the maximum extent)

Source: compiled by S.V. Volodenkov and S.N. Fedorchenko.

При этом особое внимание участники исследования обратили на то обстоятельство, что успешная суверенизация национального цифрового пространства общественно-политических коммуникаций возможна лишь при наличии ясной стратегии действий государства в цифровом пространстве, обеспечивающей взаимосвязанность и комплексность реализации всех аспектов цифрового суверенитета.

Таким образом, исходя из проведенного анализа экспертных позиций, мы можем определить, что *цифровой суверенитет пространства общественно-политических коммуникаций представляет собой систему*

инфраструктурных, коммуникационных, технологических, кадровых, компетентностных, управленческих и содержательных (ценностно-смысловых) компонентов, обеспечивающих в своем единстве, достигаемом при помощи национального законодательства и практик его реализации, независимое и успешное функционирование в национальных интересах общественно-политической сферы жизнедеятельности современного государства в цифровом пространстве (рис. 2).



Рис. 2. Модель цифрового суверенитета как системы взаимосвязанных между собою компонентов.
Источник: составлено С.В. Володенковым, С.Н. Федорченко по результатам исследования.

DIGITAL SOVEREIGNTY SYSTEM

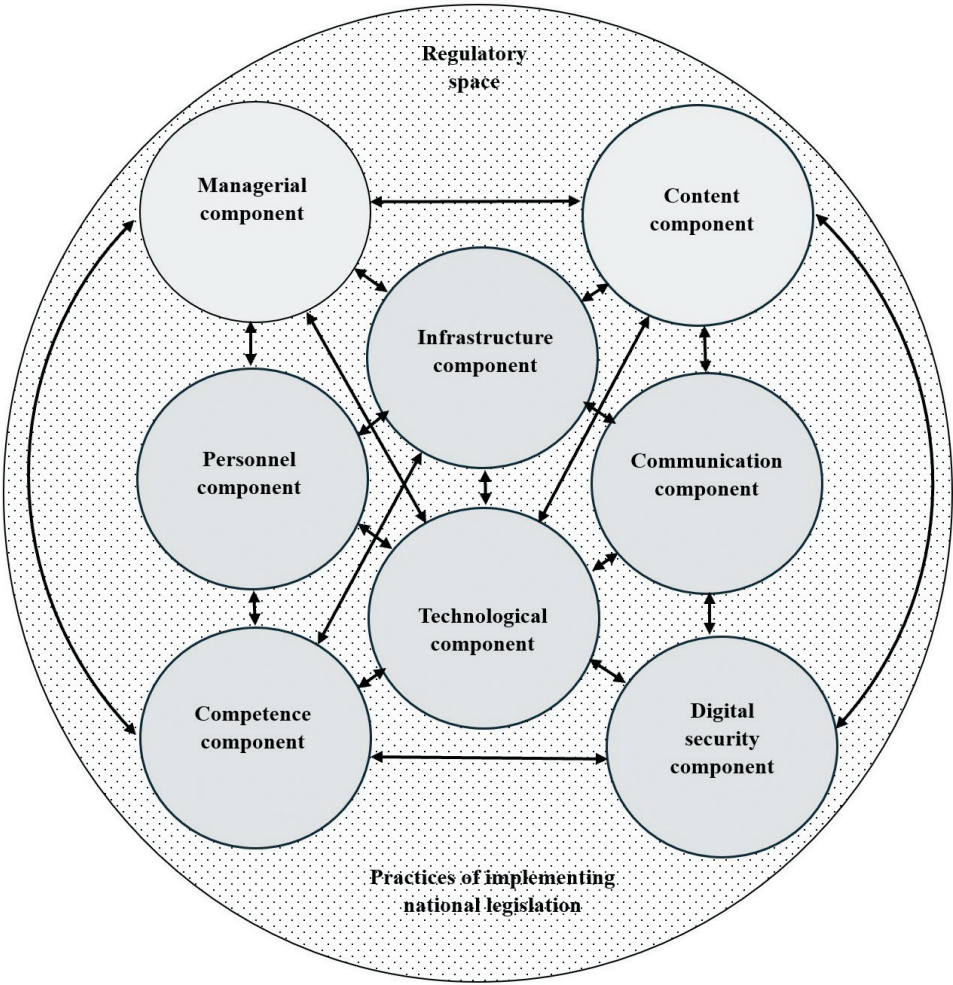


Figure 2. Model of digital sovereignty as a system of interconnected components
Source: compiled by S.V. Volodenkov and S.N. Fedorchenko.

При этом, исходя из экспертных позиций, мы можем сделать вывод о том, что большинство участников исследования оценивают актуальный уровень цифрового суверенитета в России как хотя и средний, но недостаточный (рис. 3), в том время как необходимость формирования собственной национальной модели суверенизации пространства общественно-политических коммуникаций экспертами оценивается как весьма высокая (рис. 4)², что позволяет говорить об актуальности и своевременности настоящей работы.

² Результаты исследования, представленные на рис. 1 и рис. 3, имеют явную корреляцию между собой, так как качественная и полноценная трансляция в цифровом пространстве общественно-политических коммуникаций традиционного духовно-нравственного контента напрямую зависит, по мнению участников исследования, от наличия и эффективности собственной суверенной модели стратегического независимого развития цифровых общественно-политических коммуникаций.

Существует ли в современной России цифровой суверенитет? Оцените степень его полноты и достаточности.

31 ответ

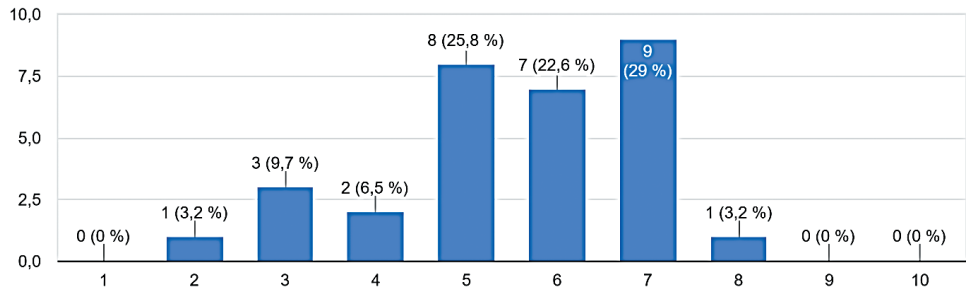


Рис. 3. Экспертная оценка степени полноты и достаточности цифрового суверенитета в России (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 — суверенитет в России абсолютно отсутствует; 10 — Россия обладает абсолютно полным и достаточным цифровым суверенитетом)

Источник: составлено С.В. Володенковым, С.Н. Федорченко по результатам исследования.

Figure 3. Expert assessment of the degree of completeness and sufficiency of digital sovereignty in Russia (quantitative assessment from 1 to 10 points: 1 — sovereignty in Russia is absolutely absent; 10 — Russia has absolutely complete and sufficient digital sovereignty)

Source: compiled by S.V. Volodenkov and S.N. Fedorchenko.

Пожалуйста, оцените, насколько необходима в современной России суверенная модель стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций.

31 ответ

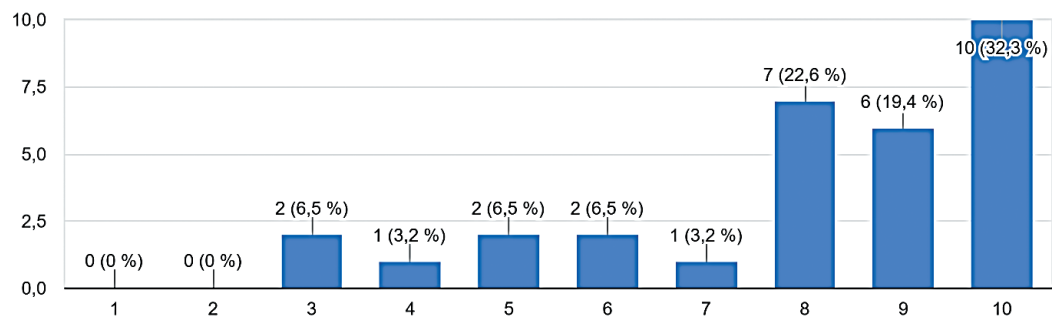


Рис. 4. Экспертная оценка необходимости разработки суверенной модели стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 — нет абсолютно никакой необходимости; 10 — абсолютно необходима)

Источник: составлено С.В. Володенковым, С.Н. Федорченко по результатам исследования.

Figure 4. Expert assessment of the need to develop a sovereign model for the strategic development of digital socio-political communications (quantitative assessment from 1 to 10 points: 1 — absolutely no need; 10 — absolutely necessary)

Source: compiled by S.V. Volodenkov and S.N. Fedorchenko.

Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, мы можем сделать ряд выводов, позволяющих определить сущностные характеристики суверенитета цифрового пространства общественно-политических коммуникаций, а также его ключевые составляющие. В первую очередь, следует отметить, что цифровой суверенитет пространства общественно-политических коммуникаций понимается большинством участников исследования как *единая система взаимосвязанных между собой компонентов, позволяющих обеспечить эффективное и независимое функционирование общественно-политической сферы жизни государства и общества в цифровом пространстве в национальных интересах, а также формирующих потенциал противодействия внешним процессам цифровой колонизации и десуверенизации.*

Обращает на себя внимание тот факт, что основной фокус внимания в экспертных позициях был направлен в первую очередь на противодействие процессам цифровой колонизации и десуверенизации, лишаящим государство возможности обеспечивать просоциальное развитие цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в собственных национальных интересах, а также на способности государства контролировать свое собственное цифровое пространство, обеспечивая соответствие содержания процессов общественно-политической коммуникации национальным интересам и традиционным ценностно-смысловым и духовно-нравственным основаниям.

К числу таких компонентов на основе анализа полученных экспертных ответов мы можем отнести *инфраструктурную составляющую*, подразумевающую наличие и эффективное функционирование независимой национальной цифровой инфраструктуры в интересах государства и общества, *технологическую составляющую*, включающую в себя наличие собственных цифровых технологий и алгоритмов³ общественно-политической коммуникации, *коммуникационную составляющую*, предполагающую развитие национальной системы цифровых каналов общественно-политической и массовой коммуникации, включая национальные цифровые платформы, видеохостинги, блог-платформы, мессенджеры для просоциального взаимодействия государственных и общественно-политических акторов, а также граждан, *кадровую составляющую*, формируемую посредством подготовки профессиональных национальных кадров в цифровой сфере, *компетентностную составляющую*, характеризующуюся формированием системы собственных цифровых компетенций, навыков и умений, позволяющей эффективно и независимо использовать цифровые

³ Весьма показательным в данной связи является недавнее выступление В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай», в рамках которого он заявил о том, что «использование интернета, конечно, должно быть основано на суверенных алгоритмах, к этому надо стремиться» (Заседание «Прочный на какой основе? Всеобщая безопасность и равные возможности в XXI веке». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75521>).

возможности общественно-политического развития в национальных интересах, *содержательную составляющую*, включающую в себя возможности и способности государственных и общественных институтов формировать конкурентоспособный национально ориентированный цифровой контент, поддерживающий и защищающий существующие традиционные ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания жизнедеятельности государства и общества, *управленческую составляющую*, подразумевающую способность представителей управленческой сферы формулировать и реализовывать адекватные современным реалиям и эффективные стратегии общественно-политического развития в цифровом пространстве, отвечающие национальным интересам, а также осуществлять достаточный, но при этом просоциальный контроль и регулирование цифровой сферы общественно-политических коммуникаций со стороны государственных и общественных институтов, и, наконец, *составляющую, связанную с обеспечением цифровой безопасности общественно-политического пространства и защитой национальных данных*, характеризующуюся наличием возможностей и способностей государства обеспечивать устойчивость независимого функционирования критической цифровой инфраструктуры, защищать государственные и общественно значимые данные от кибератак, шпионажа и несанкционированного доступа, а также противодействовать геополитическим оппонентам в процессах реализации стратегических проектов⁴, носящих деструктивный характер, направленных на дестабилизацию социально-политической ситуации в стране, десоверенизацию национальных информационно-коммуникационных пространств и подразумевающих манипулятивно-пропагандистское воздействие на массовое сознание в цифровом пространстве в интересах внешних бенефициаров.

Стратегическая суверенизация государства при этом достигается, по мнению участников исследования, посредством объединения указанных компонентов цифрового суверенитета цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в единую суверенную систему, базирующуюся на эффективном и полноценном национальном законодательстве и практиках его реализации, обеспечивающих просоциальную реализацию цифрового суверенитета в национальных интересах независимо от воли и интересов внешних заинтересованных сторон.

Нам представляется, что подобное понимание сущности и структуры цифрового суверенитета позволяет определить основания для разработки модели стратегической суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в России, реализация которой позволит, с одной

⁴ Как хорошо известно, основной целью в отношении России коллективный Запад определил нанесение стратегического поражения России, что подразумевает не только поражение в военной сфере, но и в других системно значимых сферах жизнедеятельности нашего государства и общества, включая общественно-политическую.

стороны, обеспечить эффективное и независимое развитие национального пространства цифровых общественно-политических коммуникаций в собственных интересах, а с другой — обеспечить возможности противодействия внешним попыткам цифровой десуверенизации и колонизации со стороны геополитических оппонентов, рассматривающих цифровое пространство в качестве арены современного противостояния.

Очевидно, что такая модель будет неизбежно обладать собственной уникальной спецификой, определяемой характерными национальными ценностно-смысловыми и духовно-нравственными особенностями жизнедеятельности государства и общества. Однако сами принципы построения модели суверенизации и ее структура, по нашему мнению, имеют в данном случае базовый универсальный характер и могут быть применены для обеспечения цифрового суверенитета современной России.

Поступила в редакцию / Received: 18.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 07.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Бучинская О.Н. Цифровая колонизация — новое явление мировой экономики // Экономическая наука современной России. 2024. № 3 (106). С. 78–92. [http://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3\(106\)-78-92](http://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92) EDN: UMWAOB
- Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Lex Russica. 2017. № 7 (128). С. 154–165. <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.128.7.154-165> EDN: ZGLADJ
- Ваховский А.М. Суверенизация Интернета как проблема современного политического процесса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 11–18. <http://doi.org/10.24411/2071-6141-2019-10101> EDN: QUNETJ
- Володенков С.В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 2. С. 47–70. <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70>. EDN: FPYCYW
- Жуков А.З., Шугунов Т.Л. Внедрение закона о «суверенном рунете»: правовой и технический аспекты // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 2. С. 139–142. <http://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-2-139-142> EDN: WGPBUI
- Куликовский А.В. Возможный запуск автономного Рунета и его роль в обеспечении информационной безопасности ЕАЭС // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2021. № 2 (87). С. 83–90. EDN: RBEAUT
- Мельникова О. Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета // Международная жизнь. 2022. № 12. С. 106–119. EDN: ASJJJF
- Сморгунов Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 62–75. <http://doi.org/10.31429/26190567-20-3-62-75>. EDN: LLGQAM

- Уртаева Э.Б. Влияние социальных сетей на развитие политических коммуникаций в новой цифровой реальности // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 3 (128). С. 40–49. <http://doi.org/10.24158/пер.2024.3.3> EDN: AYQJMS
- Федорченко С.Н. Государство-цивилизация в цифровой ойкумене // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7, № 1. С. 3–26. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26> EDN: YDIBNI
- Becerra M., Waisbord S.R. The curious absence of cybernationalism in Latin America: Lessons for the study of digital sovereignty and governance // *Communication and the Public*. 2021. Vol. 6, iss. 1–4. P. 67–79. <http://doi.org/10.1177/20570473211046730> EDN: JRSZPA
- Flonk D., Jachtenfuchs M., Obendiek A. Controlling internet content in the EU: towards digital sovereignty // *Journal of European Public Policy*. 2024. Vol. 31, iss. 8. P. 2316–2342. <http://doi.org/10.1080/13501763.2024.2309179>.
- Gupta S., Sony R. Quest of Data Colonialism and Cyber Sovereignty: India's Strategic Position in Cyberspace // *Legal Issues in the Digital Age*. 2021. Vol. 2, no. 2. P. 70–81. <http://doi.org/10.17323/2713-2749.2021.2.68.81> EDN: ZUYQDF
- Hashemzadegan A., Gholami A. Internet Censorship in Iran: An Inside Look // *Journal of Cyberspace Studies*. 2022. Vol. 6, iss. 2. P. 183–204. <http://doi.org/10.22059/jcss.2022.349715.1080>.
- Kozyreva A., Lewandowsky S., Hertwig R. Citizens Versus the Internet: Confronting Digital Challenges With Cognitive Tools // *Psychological Science in the Public Interest*. 2020. Vol. 21, iss. 3. P. 103–156. <http://doi.org/10.1177/1529100620946707> EDN: NFILHV
- Kwet M. Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South // *Race & Class*. 2019. Vol. 60, iss. 4. P. 3–26. <http://doi.org/10.1177/0306396818823172>.
- Lehuedé S. An alternative planetary future? Digital sovereignty frameworks and the decolonial option // *Big Data & Society*. 2024. Vol. 11, iss. 1. <http://doi.org/10.1177/20539517231221778>. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20539517231221778> (accessed: 15.10.2024). EDN: BJUFCO
- Mann M., Daly A. (Big) Data and the North-in-South: Australia's Informational Imperialism and Digital Colonialism // *Television and New Media*. 2019. Vol. 20, iss. 4. P. 379–395. <http://doi.org/10.1177/1527476418806091>.
- Panday J., Samdub M.T. Promises and Pitfalls of India's AI Industrial Policy // *AI Nationalism(s): Global Industrial Policy Approaches to AI*. / Amba Kak, Sarah Myers West (eds.). AI Now Institute, 2024. P. 85–104.

References

- Becerra, M., & Waisbord, S.R. (2021). The curious absence of cybernationalism in Latin America: Lessons for the study of digital sovereignty and governance. *Communication and the Public*, 6, (1–4), 67–79. <http://doi.org/10.1177/20570473211046730> EDN: JRSZPA
- Buchinskaya, O.N. (2024). Digital colonization — a new phenomenon of the world economy. *Economic science of modern Russia*, (3), 78–92. (In Russian). [http://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3\(106\)-78-92](http://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92). EDN: UMWAOB
- Danilenkov, A.V. (2017). State sovereignty of the Russian Federation in the information and telecommunications network “Internet”. *Lex Russica*, (7), 154–165. (In Russian). <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.128.7.154-165> EDN: ZGLADJ
- Fedorchenko, S.N. (2023). State-civilization in the digital ecumene. *Journal of Political Research*, 7(1), 3–26. (In Russian). <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26> EDN: YDIBNI
- Flonk, D., Jachtenfuchs, M., & Obendiek, A. (2024). Controlling internet content in the EU: towards digital sovereignty. *Journal of European Public Policy*, 31(8), 2316–2342. <http://doi.org/10.1080/13501763.2024.2309179>.

- Gupta, S., & Sony, R. (2021). Quest of data colonialism and cyber sovereignty: India's strategic position in cyberspace. *Legal Issues in the Digital Age*, 2(2), 70–81. <http://doi.org/10.17323/2713-2749.2021.2.68.81> EDN: ZUYQDF
- Hashemzadegan, A., & Gholami, A. (2022). Internet censorship in Iran: An inside look. *Journal of Cyberspace Studies*, 6(2), 183–204. <http://doi.org/10.22059/jcss.2022.349715.1080>.
- Kozyreva, A., Lewandowsky, S., & Hertwig, R. (2020). Citizens versus the Internet: Confronting digital challenges with cognitive tools. *Psychological Science in the Public Interest*, 21(3), 103–156. <http://doi.org/10.1177/1529100620946707> EDN: NFILHV
- Kulikovskiy, A.V. (2021). Possible launch of an autonomous Runet and its role in ensuring information security of the EAEU. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Humanities Series*, (2), 83–90. (In Russian). EDN: RBEAUT
- Kwet, M. (2019). Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South. *Race & Clas*, 60(4), 3–26. <http://doi.org/10.1177/0306396818823172>.
- Lehuedé, S. (2024). An alternative planetary future? Digital sovereignty frameworks and the decolonial option. *Big Data & Society*, 11(1), <http://doi.org/10.1177/20539517231221778>. Retrieved October 15, 2024, from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20539517231221778> EDN: BJUFÇO
- Mann, M., & Daly, A. (2019). (Big) Data and the North-in-South: Australia's informational imperialism and digital colonialism. *Television and New Media*, 20(4), 379–395. <http://doi.org/10.1177/1527476418806091>.
- Melnikova, O. (2022). China's experience in protecting national cyber sovereignty. *International Affairs*, 12, 106–119. (In Russian). EDN: ASJJJF
- Panday, J., & Samdub, M.T. (2024). Promises and pitfalls of India's AI industrial policy. In A. Kak & S. Myers West (Eds.), *AI Nationalism(s): Global Industrial Policy Approaches to AI* (pp. 85–104). AI Now Institute.
- Smorgunov, L.V. (2019). Institutionalization of controllability and the problem of control in the space of digital communications. *South Russian Journal of Social Sciences*, 20(3), 62–75. (In Russian). <http://doi.org/10.31429/26190567-20-3-62-75>. EDN: LLGQAM
- Urtaeva, E.B. (2024). The influence of social networks on the development of political communications in the new digital reality. *Society: politics, economics, law*, (3), 40–49. (In Russian). <http://doi.org/10.24158/pep.2024.3.3>. EDN: AYQJMS
- Vakhovsky, A.M. (2019). Sovereignization of the Internet as a problem of the modern political process. *News of Tula State University. Humanities*, (1), 11–18. (In Russian). <http://doi.org/10.24411/2071-6141-2019-10101> EDN: QUHETJ
- Volodenkov, S.V. (2024). Digital actants and computational propaganda as tools for influencing mass consciousness in the context of global technological transformations. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, (2), 47–70. (In Russian). <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70>. EDN: FPYCYW
- Zhukov, A.Z., & Shugunov, T.L. (2020). Implementation of the law on the “sovereign RuNet”: Legal and technical aspects. *Socio-political sciences*, 10(2), 139–142. (In Russian). <http://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-2-139-142>. EDN: WGPBUI

Сведения об авторах:

Володенков Сергей Владимирович — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Федорченко Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

About the authors:

Sergey V. Volodenkov — Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities; Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Sergey N. Fedorchenko — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities; Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)